Булгаков Михаил

Под пятой

МОЙ ДНЕВНИК

СОДЕРЖАНИЕ

ДРУГОЙ БУЛГАКОВ

“…ибо настоящее веселие
приходит тогда, когда поймешь”.
Александр Зиновьев
“В преддверии рая”

“Через два часа придет Новый год. Что принесет мне он?

Я спал сейчас, и мне приснилось: Киев, знакомые и милые лица, приснилось, что играют на пианино…

Придет ли старое время?

Настоящее таково, что я стараюсь жить, не замечая его… не видеть, не слышать!

Недавно, в поездке в Москву и Саратов, мне пришлось все видеть воочию и больше я не хотел бы видеть.

Я видел, как серые толпы с гиканьем и гнусной руганью бьют стекла в поездах, видел, как бьют людей. Видел разрушенные и обгоревшие дома в Москве… тупые и зверские лица…

Видел толпы, которые осаждали подъезды захваченных, запертых банков, голодные хвосты у лавок, затравленных и жалких офицеров, видел газетные листки, где пишут, в сущности, об одном: о крови, которая льется и на юге, и на западе, и на востоке, и о тюрьмах.

Все воочию видел и понял окончательно, что произошло.

Идет Новый год.

Целую тебя крепко.

Твой брат Михаил.”

Таковы финальные строки письма Михаила Булгакова сестре Наде, письма новогоднего по дате — 31 декабря 1917 года — и такого далекого от праздничного — по сути. (Фрагмент письма публикуется с разрешения Е. Земской).

Для людей круга Булгакова внезапно и страшно вошла в их жизнь История.

И была эта История, открывающая новую эру человечества, людям этим враждебна. Сам Михаил Булгаков в отличие от многих не принял и “безумие дней мартовских”, т. е. февральскую революцию.

Открывают тему: Художник и Революция, — дневники Михаила Булгакова 1922-го, 1923—1925 годов.

Последние не случайно имеют название “Под пятой”. Мне кажется, на выбор названия

оказал влияние роман Д. Лондона (Железная пята" — "являющийся яркой художественной иллюстрацией ко многим положениям научного социализма", как писали в 30-е годы.

Начинающий писатель, как и все жители Москвы того времени, вынужден преодолевать многочисленные чисто бытовые жизненные препятствия. Но главным все же является его „немодное" мировоззрение, почему он и кажется окружающим гораздо старше своих лет. Ясное понимание происходящего вокруг, несовпадение его идеологии с господствующей, попытки отринуть от себя журналистику ради художественного творчества и т. п. не могли не вырыть ров между ним и окружающими. Они так торопились успеть, обогнать, не остаться за бортом. Многие преуспели.

В оплату глумящийся сатана взял талант и жизнь после физической смерти писателя. Очень известные современникам, они быстро и безнадежно уходят от нас. Наши дети уже их не знают.

Попытка прокомментировать дневники Булгакова показала, что для этой цели необходимы объемы, в два-три раза превышающие то, что написал сам Булгаков. Мы совершенно неверно представляем себе не только конкретные события, которых он пишет. Неверно угадываем сам дух того времени.

Поэтому читатель, если возникнет необходимость, пусть обратится к публикации этого текста в журнале "Театр" No 2 за 1990 год, там помещена хотя бы часть нужных сведений. Одну маленькую деталь необходимо отметить: Троцкий уже вызывает какие-то иные чувства у Булгакова: когда того "съели", в записи звучит растерянность…

Статья "Грядущие перспективы" опубликована в газете "Грозный" 13(26) ноября 1919 года и по духу как бы продолжает письмо 11-го года. То, что для автора письма было предчувствием, для автора статьи стало явью. Уход из Киева, когда туда в очередной раз вошли рати Троцкого, был для военного врача Михаила Булгакова не случайной неудачей очередной мобилизации, но сознательным выбором судьбы. Красные несли разрушение того мира, в котором он видел справедливое решение судьбы людей и своей в частности. Думаю, что если и были у него когда-либо монархические иллюзии, то к концу 1919 года они развеялись. Скорее всего он представлял, как и многие в армии Деникина, что возникнет на какое-то время правление военное. Отсюда его уверенность в победе белых.

Не угадав "грядущих перспектив" политически, Булгаков уже в конце 1919 года угадал на много лет вперед как писатель. Написанные наспех, с несвойственными ему в дальнейшем элементами открыто пафосными, заметки эти и сегодня производят потрясающее впечатление пророчества.

Статья "Красный флаг" печатается по тексту газеты "Рабочий".

Осмысливая всю книгу в целом и как-то приводя ее в соответствие со всем своим предыдущим булгаковским опытом, читатель должен иметь в виду следующие соображения.

Наше время — время уничтожения и переосмысления очень многих положений и мифов, считавшихся незыблемыми и аксиоматичными.

"Мы только недавно оставили тип критики с обсуждением (и осуждением) героев романа как живых людей. Никто не поручится также, что окончательно не исчезнут биографии героев и попытки восстановить по этим биографиям историческую действительность", — напечатал Юрий Тынянов в 1923 году. Что касается первой части рассуждений классика, он явно был неправ — подобная критика не исчезла тогда и не исчезнет никогда. Вторая часть его рассуждений один к одному подходит ко всем известным мне книгам о жизни и творчестве Михаила Булгакова. Оговорив бесспорную мысль, что художественные произведения—это не документ, авторы в дальнейшем широко пользуются именно тем способом, панихиду которому преждевременно пропел Тынянов.

Раскавыченный Булгаков под разными авторскими фамилиями преподносится в качестве истории его творчества и жизни. Хотя каждый автор с упоением рассказывает о розыгрышах, на которые он был мастер. Коровьев и Бегемот, классики этих дел в наших глазах, всего лишь его ученики.

Небольшая книжка, лежащая перед читателем, призвана дать документальный

материал о начале творческого пути и жизни Михаила Булгакова. Если говорить абсолютно серьезно, то документальность книги надо расценивать осторожно. В Булгакове очень сильно игровое начало, то, что отличает драматурга, режиссера, актера и т. п. от честного хроникера, для которого важен девиз: “Правда, ничего, кроме правды”. Скажем, дневники писателя, как мне кажется, надо рассматривать как заготовки для будущего произведения типа “Записок на манжетах”. Тогда не возникает искушения считать, что все стало ясным. Судьба и творчество гениального писателя — кривая высокого порядка. И, наконец, главное. Критерием для всякого отдельного человека будет его собственный опыт общения с творчеством Булгакова и то, как он это творчество воспринимает. Вот в таком контексте эта книжка должна принести пользу в дальнейшем познании феномена, имя которому — Михаил Булгаков.

“Только через страдание приходит истина… Это верно, будьте покойны! Но за знание истины ни денег не платят, ни пайка не дают.

Печально, но факт”.

Григорий ФАЙМАН

Из дневника 1922 года

…Говорят, что “Яр” открылся.

Сильный мороз. Отопление действует, но слабо. И ночью холодно.

25 января.

(Татьянин день)

Забросил я дневник. А жаль: (з)а это время произошло много интересного.

(я) до сих пор еще без места. Питаемся (с) женой плохо. От этого и писать не хочется. (Чер)ный хлеб стал 20 т. фунт, белый (…) т.

. (К) дяде Коле силой в его отсутствие (из) Москвы, вопреки всяким декретам (…) вселили парочку. (…)

(26 января).

Вошел в бродячий коллектив актеров: буду играть на окраинах. Плата 125 за спектакль. Убийственно мало. Конечно, из-за этих спектаклей писать будет некогда. Заколдованный круг.

—-

Питаемся с женой впроголодь.

—-

Не отметил, что смерть Короленко сопровождалась в газетах обилием заметок… (…) Нежности.

—-

Пил сегодня у Н. Г. водку.

9-го февраля 22 г.

Идет самый черный период моей жизни. Мы с женой голодаем. Пришлось взять у дядьки немного муки, постного масла и картошки. У Бориса миллион. Обегал всю Москву—нет места.

Валенки рассыпались.

Москве с(…)

Возможно, что особняк 3. заберут под детский голодный дом.

Ученый проф. Ч. широкой рукой выкидывает со списков, получающих академический паек, всех актеров, вундеркиндов (сын Мейерх(ольда) получал академическ(ий) паек!) и "ученых" типа Свердловского) унив. преподавателей.

На академическом (…)

14.11.1922

Вечером, на Девичьем поле, в б. Женских курсах (ныне 2-й Университет) был назначен суд над "Записками врача". В половину седьмого уже стояли черные толпы студентов у всех входов и ломились в них.

Пришло (нес)колько тысяч. В аудитории сло(…)

15 февраля.

Погода испортилась. Сегодня морозец. Хожу на остатках подметок. Валенки пришли в негодность. Живем впроголодь. Кругом долги.

"Должность" моя в военно-редакционном совете сведется к побе(гушкам).

Верес(аев) очень некрасив, похож на пожилого еврея (очень хорошо сохранился). У него очень узенькие глаза, с набрякшими тяжелыми веками, лысина. Низкий голос. Мне он очень понравился. Совершенно другое впечатление, чем тогда, на его лекции.

Быть м(ожет) по контрасту с профессорами. Те ставят нудные, тяжелые вопросы, Вересаев же близок к студентам, которые хотят именно жгучих вопросов и правды в их разрешении. Говорит он мало. Но когда говорит, как-то умно и интеллигентно все у него выходит. С ним были две дамы, по-видимому, жена и дочь. Очень мила жена. (…)

("…)жении республики в пожарном отношении в катастрофическом. положении(>>). Да в каком отношении оно не в катастрофическом? Если не будет в Генуе конференции, спрашивается, что мы будем делать?

х) ххх (Порешим), а не погодим!

16 февраля.

Вот и не верь приметам! Встретил похороны и (…)

есть на(дежда…) в газете "Ра(бочий").

Публикация Г. С. Файмана

ПОД ПЯТОЙ

Мой дневник

1923 год

Москва

24 (11-го) мая.

Давно не брался за дневник — 21 апреля я уехал из Москвы в Киев и пробыл в нем до 10-го мая. В Киеве делал себе операцию (опухоль за левым ухом). На Кавказ, как собирался, не попал. 12-го мая вернулся в Москву. И вот тут начались большие события: советского представителя Вацлава Вацлавовича Воровского убил Конради в Ло(занне), 12-го в Москве была грандиозно инсценированная демонстрация. Убийство Воровского совпало с ультиматумом Керзона России: взять обратно дерзкие ноты Вайнштейна, отправленные

через английского торгового представителя в Москве, заплатить за задержанные английские рыбачьи суда в Белом море, отказаться от пропаганды на Востоке и т. д. и т. д.

В воздухе запахло разрывом и даже войной. Общее мнение, правда, что ее не будет. Да оно и понятно, как нам с Англией воевать? Но вот блокада очень может быть. Скверно то, что зашевелились и Польша и Румыния (Фош сделал в Польшу визит). Вообще мы накануне событий. Сегодня в газетах слухи о посылке английских военных судов в Белое и Черное моря и сообщение, что Керзон и слышать не хочет ни о каких компромиссах и требует от Красина (тот после ультиматума немедленно смотался в Лондон на аэроплане) точного исполнения по ультиматуму.

*

Москва живет шумной жизнью, в особенности по сравнению с Киевом. Преимущественный признак — море пива выпивают в Москве. И я его пью помногу. Да вообще последнее время размотался. Из Берлина приехал граф Алексей Толстой. Держит себя распущенно и нагловато. Много пьет.

Я выбился из колеи — ничего не писал 11/2 месяца.

11-го июля (28-го июня) среда.

Самый большой перерыв в моем дневнике. Между тем происшедшее за это время чрезвычайно важно.

Нашумевший конфликт с Англией кончился тихо, мирно и, позорно. Правительство пошло на самые унизительные уступки, вплоть до уплаты денежной компенсации за расстрел двух английских подданных, которых сов(етские) агенты упорно называют шпионами.

Недавно же произошло еще более замечательное событие: патриарх Тихон вдруг написал заявление, в котором отрекается от своего заблуждения по отношению к Соввласти, объявляет, что он больше не враг ей и т. д. Его выпустили из заключения. В Москве бесчисленны(е) толки, а в белых газетах за границей — бунт. Не верили… комментировали и т. д.

На заборах и стенах позавчера появилось воззвание патриарха, начинающееся словами: “Мы, Божьей милостью, патриарх московский и всея Руси…”. Смысл: Советской власти он друг, белогвардейцев осуждает, но “живую церковь” также осуждает. Никаких реформ в церкви, за исключением новой орфографии и стиля. Невероятная склока теперь в церкви. “Живая церковь” беснуется. Они хотели п(атриарха) Тихона совершенно устранить, а теперь он выступает, служит *etc.*

*

Стоит отвратительное, холодное и дождливое лето.

*

Хлеб белый — 14 миллионов фунт. Червонцы (банкноты) ползут в гору и сегодня 832 миллиона.

25-го июля 1923 г.

Лето 1923 г. в Москве исключительно(е). Дня не проходит без того, чтобы не лил дождь и иногда по нескольку раз. В июне было два знаменитых ливня, когда на Неглинном провалилась мостовая и заливало мостовые. Сегодня было нечто подобное — ливень с крупным градом.

*

Жизнь идет по-прежнему сумбурная, быстрая, кошмарная. К сожалению, я трачу много денег на выпивки. Сотрудники “Г(удка)” пьют много. Сегодня опять пиво. Играл на Неглинном на биллиарде. “Г(удок)” два дня, как перешел на Солянку во “Дворец Труда” и

теперь днем я расстоянием отрезая от “Нак(ануне)” (…) литературный (…) (“Записки на манжетах”) в Берлине до сих (пор) не (издали), пробиваюсь фельетонами в “Нак(ануне)”. Роман (из-)за (работы в) “Г(удке)”, отнимающей лучшую часть дня, почти не подвигается.

*

Москва оживлена чрезвычайно. Движения все больше. Банкнот (червонец) сегодня стал 975 милл., а золот(ой) рубль — 100. (Курс Госбанка). Здорово?

22-го августа.

Месяцами я теперь не берусь за дневник и пропускаю важные события.

27-го августа, понедельник. Ночь.

Только что вернулся с лекции сменовеховцев: проф. Ключникова, Ал. Толстого, Бобрищева-Пушкина и Василевского-Не-Буква.

В театре Зимина было полным-полно. На сцене масса народу, журналисты, знакомые и прочие. Сидел рядом с Катаевым. Толстой говорил о литературе, упомянул в числе современных писателей меня и Катаева.

*

Книжки “(Записки на манжетах)” до сих пор нет.

*

“Гудок” изводит, не дает писать.

(2)-го сентября. Воскресенье.

Сегодня банкноты, с Божьей помощью, 2050 руб. (2 миллиарда 50 милл.), и я сижу в долгу, как в шелку. Денег много, будущее темновато.

Вчера приехали к нам Сарочка с матерью, мужем и ребенком. Проездом в Саратов. Завтра должны уехать со скорым поездом туда, где когда-то жизнь семьи была прекрасна, теперь будет (…) скудость и тяжесть.

Сегодня я с Катаевым ездил на дачу к Алексею Толстому (Иваньково). Он сегодня был очень мил. Единственно, что плохо, это плохо исправимая манера его и жены богемно обращаться с молодыми писателями.

Все, впрочем, искупает его действительно большой талант.

Когда мы с Катаевым уходили, он проводил нас до плотины. Половина луны была на небе, вечер звездный, тишина. Толстой говорил о том, что надо основать школу. Он стал даже немного теплым.

— Поклянемся, глядя на луну…

Он смел, но он ищет поддержки и во мне и в Катаеве. Мысли его о литературе всегда правильны и метки, порой великолепны.

*

Среди моей хандры и тоски по прошлому, иногда, как сейчас, в этой нелепой обстановке временной тесноты, в гнусной комнате гнусного дома, у меня бывают взрывы уверенности и силы. И сейчас я слышу в себе, как взмывает моя мысль и верно, что я

неизмеримо сильнее как писатель всех, кого я ни знаю. Но в таких условиях, как сейчас, я, возможно, присяду.

3-го сентября, понедельник.

После ужасного лета установилась чудная погода. Несколько дней уже яркое солнце, тепло.

Я каждый день ухожу на службу в этот свой “Гудок” и убиваю в нем совершенно безнадежно свой день.

Жизнь складывается так, что денег мало, живу я, как и всегда, выше моих скромных средств. Пьешь и ешь много и хорошо, но на покупки вещей не хватает. Без проклятого пойла — пива не обходится ни один день. И сегодня я был в пивной на Страстной площади с А. Толстым, Калменс(ом), и, конечно, хромым “капитаном”, который возле графа стал как тень.

*

Сегодня уехали родные в Саратов.

*

Сегодня днем получилась телеграмма Роста — в Японии страшное землетрясение. Разрушена Иокогама, горит Токио, море хлынуло на берег, сотни тысяч погибших, императорский дворец разрушен, и судьба императора неизвестна.

И сегодня же, точно еще не знаю, мельком видел какую-то телеграмму о том, что Италия напала на Грецию. Что происходит в мире.

*

Толстой рассказывал, как он начинал писать. Сперва стихи. Потом подражал. Затем взял помещичий быт и исчерпал его до конца. Толчок его творчеству дала война.

9-го сентября, воскресенье.

Сегодня опять я ездил к Толстому на дачу и читал у него свой рассказ (“Псалом”). Он хвалил, берет этот рассказ в Петербург и хочет пристроить его в журнал “Звезда” со своим предисловием. Но меня-то самого рассказ не удовлетворяет.

*

Уже холодно. Осень: У меня как раз безденежный период. Вчера я, обозлившись на вечные прижимки Калменса, отказался взять у него предложенные мне 500 рублей и из-за этого сел в калошу. Пришлось занять миллиард у Толстого (предложила его жена).

18 сентября, вторник.

В своем дневнике я, отрывочно записывая происходящее, ни разу не упомянул о том, что происходит в Германии. А происходит там вот что: германская марка катастрофически падает. Сегодня, например, сообщение в советских газетах, что доллар стоит 125 миллионов марок? Во главе правительства стоит некий Штре(земан), которого советские газеты называют германским Керенским. Компартия из кожи вон лезет, чтобы поднять в Германии революцию и вызвать кашу. Радек на больших партийных собраниях категорически заявляет,

что революция в Германий уже началась.

Действительно, в Берлине уже нечего ждать, в различных городах происходят столкновения. Возможное: победа коммунистов — и тогда наша война с Польшей и Францией, или победа фашистов — (император в Германии etc.) и тогда ухудшение Советской России. Во всяком случае, мы накануне больших событий.

*

Сегодня нездоров. Денег мало. Получил на днях известие о Коле (его письмо); он болен (малокровие), удручен, тосклив. Написал в “Накануне” в Берлин, чтобы ему выслали 50 франков. Надеюсь, что эта сволочь исполнит.

*

Сегодня у меня был А. Эрл(их), читал мне свой рассказ, Ком(орский) и Д(э)ви. Пили вино, болтали. Пока у меня нет квартиры— я не человек, а лишь полчеловека.

25-го сентября. Вторник. Утро.

Вчера узнал, что в Москве раскрыт заговор. Взяты: в числе прочих
Богданов — предс(едатель) ВСНХ и Краснощекое — пред(седатель) Промбанка.
И коммунисты. Заговором руководил некий Мясников, исключенный из партии
и сидящий в Гамбурге. В заговоре были некоторые фабзавкомы (металлистов).

Чего хочет вся эта братия — неизвестно, но, как мне сообщила одна к(оммунистка), заговор “левый” — против нэпа.

В “Правде” и других органах начинается бряцание оружием по поводу Германии (хотя там и нет, по-видимому, надежд на революцию, т. к. штреземановское правительство сговаривается с французским). Кажется, в связи
с такими статьями червонец на черной бирже пошел уже ниже курса Госбанка.

Qui vivra — verra {поживем - увидим(франц.)}.

30-го (17-го стар(ого) ст(иля) сентября 1923 г.

Вероятно, потому, что я консерватор до… “мозга костей” хотел написать, но это шаблонно, но, словом, консерватор, всегда в старые праздники меня влечет к дневнику. Как жаль, что я не помню, в какое именно число сентября я приехал два года тому назад в Москву. Два года. Многое ли изменилось за это время? Конечно, многое. Но все же вторая годовщина меня застает все в той же комнате и все таким же изнутри.

Болен я, кроме всего прочего…

*

Во-первых, о политике; все о той же гнусной и неестественной политике. В Германии идет все еще кутерьма. Марка, однако, начала повышаться в связи с тем, что немцы прекратили пассивное сопротивление в Руре,.но зато в Болгарии идет междоусобица. Идут бои с коммунистами. Врангелевцы участвуют, защищая правительство. Для меня нет никаких сомнений в том, что эти второстепенные славянские государства столь же дикие, как и Россия, представляют великолепную почву для коммунизма. Наши газеты всячески раздувают события, хотя, кто знает, может быть, действительно мир раскалывается на две части —коммунизм и фашизм. -

Что будет —никому не известно.

*

Москва по-прежнему чудный какой-то ключ. Бешеная дороговизна и уже не на эти дензнаки, а на золото. Червонец сегодня — 4000 руб., д(ензнаки — 19)23 г. — 4 миллиарда). По-прежнему и даже еще больше, чем раньше, нет возможности ничего купить из одежды.

*

Если отбросить мои воображаемые и действительные страхи жизни, можно признаться, что в жизни моей теперь крупный дефект только один — отсутствие квартиры.

(В) литературе я медленно, но все же иду вперед. Это я знаю твердо. Плохо лишь то, что у меня никогда нет ясной уверенности, что я действительно хорошо написал. Как будто пленкой какой-то застилает мой мозг и сковывает руку в то время, когда мне нужно описывать то, во что я так глубоко и по-настоящему (верю) это я (…) знаю (…) мыслью и чувством.

5 октября. Пятница.

Во-первых, политические события: в Болгарии начисто разбили коммунистов. Повстанцы частью перебиты, частью бежали через границу в Югославию. В числе бежавших заправилы — Кол(а)ров, и Д(и)м(итров). Болгарское правительство (Цанк(о)в) требует выдачи их. По совершенно точным сообщениям, доконали большевиков (поскольку, конечно, верно, что повстанцы большевики) Врангель с его войсками.

В Германии, вместо ожидавшейся коммунистической революции, получился явный и широкий фашизм. Кабинет Штреземана подал в отставку, составляется деловой кабинет. Центр фашизма в руках Кара, играющего роль диктатора, и Гитлера, составляющего какой-то “союз”. Все это в Б(аварии), из которой, по-видимому, может вылезти в один прекрасный день кайзер. Марка, однако, продолжает падать. Сегодня в “Известиях” официальный курс доллара — 440 миллионов марок, а неофициально — 500.

В “Изв(естиях)” же передовая Виленского-Сибирякова о том, что всюду неспокойно и что белогвардейцы опять ухватились за мысль об интервенции. Письмо Троцкого к артиллерийским частям Зап(адно)-Сибирск(ого) округ(а) красочнее. Там он прямо говорит, что, в случае чего, “он рассчитывает на красноармейцев, командиров и политработников”.

*

В Японии продолжаются толчки. На о(строве) Форм(о)зе было землетрясение. Что только происходит в мире!

18 (5-го) октября 192(3) г. Четверг.

Ночь. Сегодня берусь за мой дневник с сознанием того, что он важен и нужен.

Теперь нет уже никаких сомнений в том, что мы стоим накануне грандиозных и, по всей вероятности, тяжких событий. В воздухе висит слово “война”. Второй день, как по Москве расклеен приказ о призыве молодых годов (последний — 1898 г.). Речь идет о так называемом “территориальном сборе”. Дело временное, носит характер учебный, тем не менее вызывает вполне понятные слухи, опасения, тревогу…

Сегодня Константин приехал из Петербурга. Никакой поездки в Японию, понятное дело, не состоится, и он возвращается в Киев. Конст(антин) рассказывал, что будто бы в Петербургском округе призван весь командный состав 1890 года.

В Твери и Клину расклеены приказы о территориальном обучении. Сегодня мне передавал (…), что есть еще более веские признаки войны. Будто бы журн(ал) “Крок(одил)”

собирается на фронт.

События же вот в чем: не только в Германии, но уже и в Польше происходят волнения. В Германии Бавария является центром фашизма, Саксония — коммунизма. О, конечно, не может быть и речи о том, чтобы это был коммунизм нашего типа, тем не менее в саксонском правительстве три министра-коммуниста — Геккерт, Брандлер и Бетхер. Заголовки в "Известиях" — "Кровавые столкновения в Берлине", "Продовольственные волнения" и т. д. Марка упала невероятно. Несколько дней назад доллар стоил уже несколько миллиардов марок. Сегодня нет телеграммы о марке, вероятно, она стоит несколько выше.

В Польше, по сообщению "Известий", забастовка горнорабочих, вспыхнувшая в Домбровском районе и распространившаяся на всю страну.

Террор против рабочих организаций и т. д.

Возможно, что мир, действительно, накануне генеральной схватки между коммунизмом и фашизмом.

Если развернутся события, первое, что произойдет, это война большевиков с Польшей.

Теперь я буду вести записи аккуратно.

*

В Москве несколько дней назад произошел взрыв пороха в охотничьем магазине на Неглинном, катастрофа грандиозна, с разрушением дома и обильными жертвами.

*

Сегодня был у доктора, посоветоваться насчет боли в ноге. Он меня очень опечалил, найдя меня в полном беспорядке. Придется серьезно лечиться. Чудовищнее всего то, что я боюсь слечь, потому что в милом органе, где я служу, под меня подкапываются и безжалостно могут меня выставить.

Вот, черт бы их взял.

*

Червонец, с Божьей помощью, сегодня 5500 рублей (5 1/2 миллиардов).

Французская булка стоит 17 миллионов, фунт белого хлеба — 65 миллионов. Яйца, десяток, вчера стоили 200 рублей . (Так в тексте, вероятно — 200 миллионов рублей.)

Москва шумна. Возобновил маршруты трамвай 24 (Остоженка).

*

О "Записках на манжетах" ни слуху, ни духу. По-видимому, кончено.

19-го октября. Пятница. Ночь.

На политическом горизонте тоже изменений резких нет.

Сегодня вышел гнусный день. Род моей болезни таков, что, по-видимому, на будущей неделе мне придется слечь. Я озабочен вопросом, как устроить так, чтобы в "Г(удке)" меня не сдвинули за время болезни с места. Второй вопрос, как летнее пальто жены превратить в шубу. День прошел сумбурно, в беготне. Часть этой беготни была затрачена (днем и вечером) на "Трудовую копейку". В ней потеряны два моих фельетона. Важно, что Кольцов (редактор "Копейки") их забраковал. Я не мог ни найти оригинала, ни добиться ответа по поводу их. Махнул в конце концов рукой.

Завтра Гросс (редактор фин(ансового) отд(ела) "К(опейки)") даст мне ответ по поводу фельетона о займе и, возможно, 3 червонца.

Вся надежда на них.

“Н(акануне)” в этот последний период времени дает мне мало (там печатается мой фельетон в 4-х номерах о Выставке). Жду ответа из “Недр” насчет “Диаволиады”.

В общем, хватает на еду и мелочи, а одеться не на что. Да, если бы не болезнь, я бы не страшился за будущее.

*

Итак, будем надеяться на Бога и жить. Это единственный и лучший способ.

*

Поздно вечером заходил к дядькам. Они стали милее. Д(ядя) М(иша) читал на днях мой последний рассказ “Псалом” (я ему дал) и расспрашивал меня сегодня, что я хотел сказать и т. д. У них уже больше внимания и понимания того, что я занимаюсь литературой.

*

Начинается дождливое, слякотное время осени.

22-го октября. Понедельник. Ночь.

Сегодня в “Известиях” помещена речь Троцкого, которую он на днях произнес на губернском съезде металлистов.

Вот выдержки из нее:

“…германская коммунистическая партия растет из месяца в месяц.

…В Германии наметилось два плацдарма предстоящих боев: фашистская Бавария и пролетарские Саксония и Тюрингия…

…Вообще раскачка идет в Германии во все стороны со дня на день и с часа на час.

…Мы подошли к открытой борьбе.

…Уже теперь некоторые нетерпеливые товарищи говорят, что война с Польшей неизбежна. Я этого не думаю, наоборот, есть много данных за то, что войны с Польшей не будет…

…Мы войны не хотим.

…Война — это уравнение со многими неизвестными…

…Физической помощи германской революции не надо”.

В общем, как видно, будущее туманно. Сегодня на службе в “Г(удке)” произошел замечательный корявый анекдот. “Инициативная группа беспартийных” предложила собрание по вопросу о помощи германскому пролетариату. Когда Н. открыл собрание, явился комм(унист) Р. и волнуясь, и угрожающе заявил, что это “неслыханно, чтобы беспартийные собирали свои собрания”. Что он требует закрыть заседание и собрать общее. Н., побледнев, сослался на то, что это с разрешения ячейки.

Дальше пошло просто. Беспартийные как один голосовали, чтобы партийцы пригласили партийных и говорили льстивые слова. Партийцы явились и за это вынесли постановление, что они дают вдвое больше (бес)партийных (беспартийные — однодневный, партийные — двухдневный заработок), наплевав, таким образом, беспартийным ослам в самую физиономию.

Когда голосовали, кого выбрать в редакционную комиссию, дружно предложили меня. И. Кольков встал и сейчас же предложил другой состав. Чего он на меня взъедается — не знаю.

*

“Территориальные сборы”, кажется, смахивают на обыкновенную мобилизацию. По крайней мере, портниха Тоня, что принесла мне мерить блузу, сообщила, что 1903-й год пошел в казармы в 1 1/2 года.

Я ее спросил, с кем будем воевать. Она ответила: “С Германией. С немцами опять будем воевать”.

*

Червонец — 6200—6350.

*

Слякоть. Туманно слегка.

26-го октября. Пятница. Вечер.

Я нездоров, и нездоровье мое неприятное, потому что оно может вынудить меня лечь. А это в данный момент может повредить мне в “Г(удке)”. Поэтому и расположение духа у меня довольно угнетенное.

Сегодня я пришел в “Г(удок)” рано. Днем лежал. По дороге из “Г(удка)” заходил в “Недра” к П. Н. Зайцеву. Повесть моя “Дьяволиада” принята, но не дают больше, чем 50 руб. за лист. И денег не будет раньше следующей недели. Повесть дурацкая, ни к черту не годная. Но Вересаеву (он один из редакторов “Недр”) очень понравилась.

В минуты нездоровья и одиночества предаюсь печальным и завистливым мыслям. Горько раскаиваюсь, что бросил медицину и обрек себя на неверное существование. Но, видит Бог, одна только любовь к литературе и была причиной этого.

Литература теперь трудное дело. Мне с моими взглядами, волей-неволей (отражающимися) в произведениях, трудно печататься и жить.

Нездоровье асе мое при таких условиях тоже в высшей степени не вовремя.

Но не будем унывать. Сейчас я просмотрел “Последнего из могикан”, которого недавно купил для своей библиотеки. Какое обаяние в этом старом сантиментальном Купере! Там Давид, который все время распевает псалмы, и навел меня на мысль о Боге.

Может быть, сильным и смелым он не нужен, но таким, как я, жить с мыслью о нем легче. Нездоровье мое осложненное, затяжное. Весь я разбит. Оно может помешать мне работать, вот почему я боюсь его, вот почему я надеюсь на Бога.

*

Сегодня, придя домой, ждал возвращения Таси (у нее ключи) у соседа-пекаря. Он заговаривал на политические темы. Поступки власти считает жульническими (облигации etc.). Рассказал, что двух евреев-комиссаров в Краснопресненском совете избили явившиеся на мобилизацию за наглость и угрозы наганом. Не знаю, правда ли. По словам пекаря, настроение мобилизованных весьма неприятное. Он же, пекарь, жаловался, что в деревнях развивается хулиганство среди молодежи. В голове умелого {так в тексте} то же, что и у всех — себе на уме, прекрасно понимает, что б(…) жулики на войну идти не хотят, о международном положении никакого понятия.

Дикий мы, темный, несчастный народ.

*

Червонец — 6500 руб. Утешаться можем маркой: один доллар —69 миллиардов марок. В Гамбурге произошли столкновения между рабочими и полицией. Побили рабочих. Ничего

подобного нашему в Германии никогда не будет. Это общее мнение. Л(идин), приехавший из Берлина, по словам Сок(олова)-М(икитова), которого я видел сегодня в “Накануне”, утверждает, что в “Изв(естиях)” и “Пр(авде)” брехня насчет Германии. Это несомненно так.

*

Интересно: Сок(олов)-М(икитов) подтвердил мое предположение о том, что

Ал. Др(оздов) — мер(за)вец. Однажды он в шутку позвонил Др(оздову) по телефону, сказал, что он Марков 2-й, что у него есть средства на газету и просил принять участие. Др(оздов) радостно рассыпался в полной готовности. Это было перед самым вступлением Др(оздова) в “Накануне”.

*

Мои предчувствия относительно людей никогда меня не обманывают. Никогда. Компания исключительной сволочи группируется вокруг “Накануне”. Могу себя поздравить, что я в их среде. О, мне очень туго придется впоследствии, когда нужно будет соскребать накопившуюся грязь со своего имени. Но одно могу сказать с чистым сердцем перед самим собой. Железная необходимость вынудила меня печататься в нем. Не будь “Нак(ануне)”, никогда бы не увидали света ни “Записки на манжетах”, ни многое другое, в чем я могу правдиво сказать литературное слово. Нужно было быть исключительным героем, чтобы молчать

в течение четырех лет, молчать без надежды, что удастся открыть рот в будущем. Я, к сожалению, не герой.

*

Но мужества во мне теперь больше. О, гораздо больше, чем в 21-м году. И если б не нездоровье, я бы тверже смотрел в свое туманное черное будущее.

*

От Коли нет письма. С Киевом запустил переписку безнадежно.

27-го октября. Суббота. Вечер.

Вечером разлилось зарево, Я был в это время в Староконюшенном переулке. Народ выскакивал, смотрел. Оказалось — горит Выставка.

После Староконюшенного, от доктора, забежал на Пречистенку. Разговоры обычные, но уже с большим оттенком ярости и надежды. В душе — сумбур. Был неприятно взволнован тем, что, как мне показалось, доктор принял меня сухо. Взволнован и тем, что доктор нашел у меня улучшение процесса. Помоги мне, Господи.

*

Сейчас смотрел у Семы гарнитур мебели, будуарный, за очень низкую плату — 6 червонцев. Решили с Тасей купить, если согласятся отсрочить платеж до следующей недели. Завтра это выяснится, иду на риск — на следующей неделе в “Недрах” должны уплатить за “Дьяволиаду”.

29-го октября. Понедельник. Ночь.

Сегодня впервые затопили. Я весь вечер потратил на замазывание окон. Первая топка ознаменовалась тем, что знаменитая Аннушка оставила на ночь окно в кухне настежь открытым. Я положительно не знаю, что делать со

сволочью, что населяет эту квартиру.

У меня в связи с болезнью тяжелое нервное расстройство, и такие вещи выводят меня из себя. Новая мебель со вчерашнего дня у меня в комнате.

Чтобы в срок уплатить, взял взаймы у Мо(залевского) 5 червонцев.

Сегодня вечером были Л(идин), Ст(онов) и Гайд(овский), приглашали сотрудничать в журнале "Город и деревня". Потом Андр(ей). Он читал мою "Дьяволиаду". Говорил, что у меня новый жанр и редкая стремительная фабула.

*

На Выставке горел только павильон Моссельпрома и быстро был потушен.

Понятно, что это несомненный поджог.

6-го ноября (24-го октября). Вторник. Вечер.

Недавно ушел от меня Коля Г(ладыревский). Он лечит меня. После его ухода я прочел плохо, написанную, бездарную книгу Мих. Чехова о его великом брате.

Я читаю мастерскую книгу Горького "Мои университеты".

Теперь я полон размышления {так в тексте}и ясно как-то стал понимать — нужно мне бросить смеяться. Кроме того — в литературе вся моя жизнь. Ни к какой медицине я никогда больше не вернусь.

Несимпатичен мне Горький как человек, но какой это огромный, сильный писатель и какие стр(ашные) и важные вещи говорит он о писателе.

Сегодня, часов около пяти, я был у Лежнева, и он сообщил мне две важные вещи: во-первых, о том, что мой рассказ "Псалом" (в "Накануне") великолепен, как миниатюра ("я бы его напечатал"), и 2-е, что "Нак(ануне)" всеми пре(зи)раемо и ненавидимо. Это меня не страшит. Страшат меня мои 32 года и брошенные на медицину годы, болезнь и слабость. У меня за ухом дурацкая опухоль (…), уже 2 раза опер(ирован)ная. Боюсь, что (…) слепая болезнь прервет мою работу. Если не прервет, я сделаю лучше, чем "Псалом".

*

Я буду учиться теперь. Не может быть, чтобы голос, тревожащий сейчас меня, не был вещим. Не может быть. Ничем иным я быть не могу, я могу быть одним — писателем.

Посмотрим же и будем учиться, будем молчать.

*

1924-й год

8-го января.

Сегодня в газетах бюллетень о состоянии здоровья Л. Д. Троцкого. Начинается словами: "Л. Д. Троцкий 5-го ноября прошлого года болел…", кончается: "Отпуск с полным освобождением от всяких обязанностей, на срок не менее 2-х месяцев". Комментарии к этому историческому бюллетеню излишни.

Итак, 8-го января 1924 г. Троцкого выставили. Что будет с Россией, знает один Бог. Пусть он ей поможет!

Сегодня вечер у Бориса. Мы только что вернулись с женой. Было очень весело. Я пил

вино, и сердце мое не болит.

Червонец —36 миллиардов…

22-го января 1924 года. (9-го января 1924 г. по стар(ому) стилю.)

Сейчас только что (пять с половиной часов вечера) Семка сообщил, что Ленин скончался. Об этом, по его словам, есть официальное сообщение.

25-го февраля 1924 г. Понедельник.

Сегодня вечером получил от Петра Никаноровича свежий номер (альманаха) “Недра”. В нем моя повесть “Дьяволиада”.

Это было во время чтения моего — я читал куски из “Белой гвардии” у Веры Оскаровны З.

По-видимому, и в этом кружке производило впечатление. В(ера) О(скаровна) просила продолжать у нее же.

*

Итак, впервые я напечатан не на газетных листах и не в тонких журналах, а в книге альманаха. Да-с. Скольких мучений стоит!

“Записки на (ман)жетах” похоронены.

15 апреля. Вторник.

Злобой дня до сих пор является присланная неделю тому назад телеграмма Пуанкаре, присланная советскому правительству. В этой телеграмме Пуанкаре позволил себе вмешаться в судебное разбирательство по делу киевского областного “центра действия” (контрреволюционная организация) и серьезно просить не выносить смертных приговоров. В газетах приводятся ответы и отклики на эту телеграмму киевских и иных профессоров. Тон их холуйский. Происхождение их понятно.

В газетах травля проф. Головина (офтальмолога) — он в обществе офтальмологов ухитрился произнести черносотенную речь.

Сегодня в “Г(удке)” кино снимало сотрудников. Я ушел, потому что мне не хочется сниматься.

В Москве многочисленные аресты лиц с “хорошими” фамилиями. Вновь высылки. Был сегодня Д. К(исельгоф). Тот, по обыкновению, полон фантастическими слухами. Говорит, что будто по Москве ходит манифест Николая Николаевича. Черт бы взял всех Романовых! Их не хватало.

*

Идет кампания перевыборов правлений жилищных товариществ, (буржуев выкинуть, заменить рабочими). Единственный дом, где этого нельзя сделать — наш. В правлении ни одного буржуя. Заменять некого.

*

Весна трудная, холодная. До сих пор мало солнца.

16 апреля. Среда. Ночь.

Только что вернулся из Благородного собрания (ныне Дом союзов), где было открытие съезда железнодорожников. Вся редакция “Гудка”, за очень немногими исключениями, там. Я в числе прочих назначен править стенограмму.

В круглом зале, отделенном (…) от Колонного зала, бил треск машинок, свет люстр, где в белых матовых шарах горят электрические лампы. Калинин, (…) и сутуловатый в синей блузе выходил, что-то говорил. При свете ослепительных киноламп вели киносъемку во всех направлениях.

После первого заседания был концерт. Танцевали Мордкин и балерина Кригер. Мордкин красив, кокетлив. Пели артисты Большого театра. Пел в числе других Викторов — еврей, драматический тенор с отвратительным, пронзительным, но громадным голосом. И пел некий Головин, баритон из Большого театра. Оказывается, он бывший дьякон из Ставрополя. Явился в Ставропольскую оперу и через три месяца пел Демона, а через год-полтора оказался в Большом. Голос его бесподобен.

17-го апреля. Четверг.

В 7 1/2 часов вечера на съезде появился Зиновьев. Он быстро прошел круглый зал, с наигранной скромностью справляясь, где раздеться, прошел в комнату президиума, там разделся и поднялся на трибуну. Его встретили аплодисментами, прервавшими предыдущего оратора, который что-то мямлил. Опять засветили юпитеры и его снимали. Возможно, что в (…) попал и я. Он говорил долго, часть его речи я слышал. Говорил он о международном положении, причем ругал Макдональда, а английских банкиров называл торговцами. Речь его интересна, говорит он с шуточками, рассчитанными на вкус этой аудитории.

Одет в пиджачок, похож на скрипача из оркестра. Голос тонкий, шепелявит, мало заметен акцент.

*

Из его речи можно понять одно: по-видимому, теперешняя конференция в Лондоне сорвется. Англичане требуют реституции {возвращение одним государством другому имущества, незаконно захваченного им. Ред.} собственности, отнятой у иностранцев, независимых судов, отказа от пропаганды.

21-го (июля). Понедельник.

Появились медные пятаки. Появились полтинники. Тщетно пытался их “копить”. Расходятся, и ничего с ними не сделаешь! Вообще прилив серебра, в особенности это заметно в магазинах Моссельпрома — там дают в сдачу много серебра.

Вечером, по обыкновению, был у Любови Евгеньевны и “Деиньки”. Сегодня говорили по-русски — о всякой чепухе. Ушел я под дождем грустный и как бы бездомный.

*

Приехали из Самары И(льф) и Ю(рий) О(леша). В Самаре два трамвая. На одном надпись “Площадь Революции — тюрьма”, на другом — “Площадь Советская — тюрьма”. Что-то в этом роде. Словом, все дороги ведут в Рим!

В Одессе барышню спросили: “Подвергались ли вы вычистке?” Она ответила: “Я девица”.

С О(лешей) все-таки интересно болтать. Он едок, остроумен.

25 июля. Пятница.

Ну, и выдался денек! Утро провел дома, писал фельетон для “Красного перца”, затем началось то, что приходится проделывать изо дня в день, не видя впереди никакого просвета — бегать по редакциям в поисках денег. Был (…) у наглейшего Фурмана, представителя газеты “Заря Востока”. Оттуда мне вернули два фельетона. Больших трудов стоило у Фурмана забрать назад рукопись — не хотел отдавать, т. к. за мною 20 рублей. Пришлось написать ему расписку, что верну эти деньги не позже 30-го числа. Дальше: один из этих фельетонов и то, что утром написал, сдал в “Красный перец”. Уверен, что забракуют. Дальше: вечером (отдал) свой забракован(ный) фельетон — в “(…)”. Был я у него на квартире и кой-как удалось у него получить записку на 20 рублей, на завтра, кошмарное существование. В довершение всего днем позвонил Лежневу по телефону, узнал, что с К(аган)ским пока можно и не вести переговоров относительно выпуска “Белой гвардии” отдельной книгой, т. к. у того денег пока нет. Это новый сюрприз. Вот тогда не взял 30 червонцев, теперь могу каяться. Уверен, что “Гвардия” останется у меня на руках. Словом —черт знает, что такое. Поздно, около 12, был у Л(юбови) Е(вгеньевны).

2 августа. Суббота.

Вчера получилось известие, что в экипаж Калинина (он был в провинции где-то) ударила молния. Кучер убит, Калинин совершенно невредим.

Сегодня состоялась демонстрация по случаю десятилетия “империалистической” войны. Я не был. Возвращаясь из “Гудка”, видел, как к Страстной площади (шли) служащие милиции в форме и штатские. Впереди оркестр. Распоряжались порядком верховые в кепках, с красными нарукавниками — повязками. Двух видел — у обоих из-под задравiихся брюк торчат завязки подштанников.

*

Лавочник Ярославцев выпустил, наконец, свой альманах “Возрождение”. В нем 1-я часть “Записок на манжетах”, сильно искаженная цензурой.

*

С. рассказывал, что полк ГПУ шел на демонстрацию с оркестром, который играл “Это девушки все обожают”.

4-го августа. Понедельник.

Знаменитый сатирический журнал “Красный перец” отличался несколько раз. В частности, в предпоследнем своем номере, где он выпустил рисунок под надписью “Итоги ХШ-го съезда” (толстую нэпманшу шнурует горничная, и нэпманша говорит приблизительно так: “Что ты (душишь) меня, ведь и XIII-й съезд нас только ограничил”. Что-то в этом роде). В московском комитете партии подняли гвалт. Кончилось все это тем, что прихлопнули и “Красный перец”, и сестру его “Занозу”. Вместо них выйдет один тощий журнал. Поручено выпустить некоему Верхотурскому (кажется, редактор “Рабочей Москвы”). Сегодня был на заседании, обсуждавшем первые темы и название нового журнала. “Крутой поворот влево”: журнал должен быть рабочим и с классово-производственным заглавием. Тщетно С(вен) отстаивал кем-то предложенное название “Петрушка”. Назовут “Тиски” или “Коловорот”, или как-нибудь в этом роде.

Когда обсуждали первую тему, предложенную Кот. для рисунка “Еврейское равновесие” (конечно, финглер {так в тексте} и т. д.), Верхотурский говорил:

— Да. А вот хорошо бы, чтобы при этом на заднем плане были видны рабочие, которые войдут и весь этот буржуазный цирк разрушат.

*

Мельком сегодня в “Гудке” видел Еремеева, бывшего редактора “Раб(очей) газ(еты)”. Он преобразился в (…). На темной куртке масса красных нашивок. Он будет редактировать “Смехач”, а Св(ен) будет его помощником.

6-го августа. Среда.

Сегодня в газетах сообщение о том, что англо-советская конференция лопнула. Сообщение написано в сухих официальных словах: “…разрыв произошел на вопросе об удовлетворении претензий бывших частных собственников… так как выяснилось, что по вопросу о бывших крупных собственниках соглашения достигнуть невозможно, конференция была объявлена закрытой”. (…), как говорится, (…). Интересно было бы знать, сколько времени “Союз социалистич(еских) республик” просуществует в таком положении.

9-го августа. Суббота.

По Москве пошли автобусы. Маршрут: Тверская — Центр — Каланчевская. Пока их несколько штук. Очень хороши. Массивны и в то же время изящны. Окраска коричневая, а рамы (они застеклены) желтые. Одноэтажные, но огромные.

(Вырвано).

Новый анекдот: будто по-китайски “еврей” — “там”. Там-там-там-там (на мотив “Интернационала”) означает “много евреев”.

16 августа. Суббота.

(Вырвано).

…показывают, что в Англии началась сильная кампания против такого договора и, возможно, что его не ратифицирует парламент.

Сообщение о договоре явилось неожиданным — телеграфировали о разрыве, а потом — сообщение о подписании. В Англии пишут то, что должно бы выходить по здравому английскому смыслу,— нельзя же дать большевикам деньги, когда эти большевики только и мечтают, что о разрушении Англии! Резон.

Доиграются англичане!

Подписали договор Понсонби и Макдональд.

Коткаламбур — Понсонбие (пособие). Каламбур, неизвестно чей, Понсонби — пособи {так в тексте}.

.Вчера неясное сообщение о восстании в Афганистане, поддержанном “английскими агентами”.

Сегодня приехала Галя С(ынгаевская). Деваться ей некуда. Татьяна пока пристроила ее ночевать у Зины К(оморской). Кормить буду я. У девочки, говорят, исключительные способности танцовщицы. Понес в “Современник” отрывок “Бел(ой) гвард(ии)”. Вероятно, не возьмут.

Сегодня в изд(ательстве) Ф(ренкеля), где пишется Люб(овь) Евг(еньевна), не (…) даже некий еврей служащий говорил, что брошюрки, затеянные И. М. Васил(евским) (“Люди революции”) работа не того… Писать “Дзержинского” будет Блюмкин, тот самый изумительный убийца (якобы) посла Мирбаха. Наглец.

23-го августа. Суббота.

Консервативная английская печать ведет энергичную кампанию против англо-советского договора, и есть основание полагать, что парламент

(Вырвано).

Я настолько привык, что такие выходки не производят на меня впечатления.

Ол(еша) показал мне рецензии в “Звезде”. Сказано: “написано с большим юмором” (это по(…)

(Вырвано).

В Кисловском переулке начали достраивать тот самый грандиозный дом, который я зимой осматривал для “Гудка”. Видно, не рухнет!

На улицах торгуют на всех углах книгой Лемке “250 дней в ставке”, кричат: “Тайна дома Романовых”.

26 августа. Вторник.

Сегодня день пропал на Кубув. Был на приеме у проф. Мартынова по поводу моей гнусной опухоли за ухом. Он говорит, что в злокачественность ее не верит, и назначил рентген. Вечером мельком видел N — ц, а затем попал к С-…у и вечер просидел у него.

28-го августа. Четверг.

Сейчас (около 12 ч. ночи) заходила Л(юбовь) Е(вгеньевна), говорила, что в пределах России арестован Борис Савинков. Приехал будто бы для террористического акта.

29 августа. Пятн(ица).

Ничего нельзя понять в истории с Савинковым. Правительственное сообщение сегодня изумительно. Оказывается, его уже судили (в Москве) и приговорили к смерти, но ввиду того, что он раскаялся и признал советскую власть, суд просил ЦИК о смягчении участи.

3 сентября. Среда.

В Китае происходит какой-то кавардак. Против главы южного (левого) правительства Сунь Ят-Сена восстали контрреволюционные силы, поддерживаемые англичанами.

*

Был у писателя Лидина. У него взяли комнату на учет. Он агентам МУРа сказал:

— Где же я буду писать?

Ответили:

— Здесь пишите.

И Лидин рассказал, что один гражданин обвенчался с барышней, с которой встретился случайно на улице, чтобы только она въехала в его комнату. Второго такого я знаю сам — еврей Раввинов просил сегодня (в магазине “Радуга”), чтобы ему рекомендовали какую угодно женщину. Немедленно венчается с ней в загсе и даже (…) будет кормить, лишь бы въехала (комната более 16 аршин).

12 сентября. Пятница.

Яркий солнечный день.

*

Новость: на днях в Москве появились совершенно голые люди (мужчины и женщины) с повязками через плечо “Долой стыд”. Влезали в трамвай. Трамвай останавливали, публика

возмущалась.

В Китае гремит гражданская война. Не слежу за газетами в этой области, знаю лишь, что "империалистические хищники" замешаны в этом деле, и поэтому в Одессе (!) образовалось общество "Руки прочь от Китая".

26-го сентября. Пятница.

Только что вернулся из Большого театра с "Аиды", где был с Л(юбовью) Е(вгеньевной). Тенор Викторов невероятно кричит. Весь день в поисках денег

для комнаты с Л(юоовью) Е(вгеньевной). Заняли под расписку у Е(вгения) Н(икитича).

В Москве несколько дней солнце, тепло. Из Петербурга до сих пор — подробности наводнения, которое поразило великий и злосчастный город несколько дней назад. Оно почти равно наводнению 1824 года.

12 октября. Воскресенье.

Сейчас хоронят В. Я. Брюсова. У Лит(ературно)-худ(ожественного) института его имени на Поварской стоит толпа в колоннах. Ждут лошади с красными султанами. В колоннах интеллигенция. Много молодежи — коммунист(ический) рабфак — мейерхольдов(ского) типа.

18-го (октября). Суббота.

Я по-прежнему мучаюсь в "Гудке".

Сегодня день потратил на то, чтобы получить 100 рублей в "Недра(х)". Большие затруднения с моей повестью-гротеском "(Роковые яйца)". Ангарский (наметил) мест 20, которые надо по цензурным соображениям изменить.

Пройдет ли цензуру. В повести испорчен конец, п(отому) ч(то) писал я ее наспех.

Вечером был в опере Зимина (ныне — Экспериментальный театр) и видел "Севильского цирульника" в новой постановке. Великолепно. Стены (ходят), бегает мебель.

В ночь с 20 на 21 декабря.

Опять я забросил дневник. И это к большому сожалению, потому что за последние два месяца произошло много важнейших событий. Самое главное из них, конечно,— раскол в партии, вызванный книгой Троцкого "Уроки Октября", дружное нападение на него всех главарей партии во главе с Зиновьевым, ссылка Троцкого под предлогом болезни на юг и после этого — затишье.

Надежды белой эмиграции и внутренних контрреволюционеров на то, что история с троцкизмом и ленинизмом приведет к кровавым столкновениям или перевороту внутри партии, конечно, как я и предполагал, не оправдались.

Троцкого съели, и больше ничего.

Анекдот:

— Лев Давидыч, как ваше здоровье?

— Не знаю, я еще не читал сегодняшних газет. (Намек на бюллетень о его здоровье, составленный в совершенно смехотворных тонах.)

Из Англии нас поперли с треском. Договор разорвал(и), и консервативная партия вновь ведет непримиримую экономическую и политическую войну с СССР.

Чемберлен — министр иностранных дел.

Знаменитое письмо Зиновьева, содержащее в себе недвусмысленные призывы к возмущению рабочих и войск в Англии,— не только министерством иностранных дел, но и всей Англией, по-видимому, безоговорочно признано подлинным. С Англией покончено.

Тупые и медленные (англичане), хоть и с опозданием, но все же начинают соображать о том, что в Москве, Раковск(ом) и курьерах, приезжающих с запечатанными пакетами, таится некая весьма грозная опасность разложения Британии.

Теперь очередь французов.

Мосье Красин с шиком поднял на Bac de (Grenelle) {Бак de Grenelle (franc.)} красный флаг на посольстве. Вопрос ставится остро и ясно: или Красин со своим полпредством разведет бешеную пропаганду во Франции и, одновременно с этим, постарается занять у французов денег, или французы раскусят, что сулит флаг с серпом и молотом в тихом квартале Парижа…

Вернее, второе. В прессе уже началась бешеная кампания не только против большевиков московских и парижских, но и против французского премьера Эррио, который этих большевиков допустил в Париж. У меня нет никаких сомнений, что он еврей. Л(юба) мне это подтвердила, сказав, что она разговаривала с людьми, лично знающими Эррио. Тогда все понятно.

Приезд (в Париж) Красина ознаменовался глупейшей в “(…)” историей: полоумная баба, не то журналистка, не то эротоманка, с револьвером приходила к посольству Красина — стрелять. Полицейский инспектор ее немедленно забрал.

Ни в кого не стреляла, и вообще это мелкая, сволочная история.

Эту Диксон я имел удовольствие встречать не то в 22-м, не то в 23-м году в милой редакции “Накануне” в Москве, в Гнездниковском переулке. Толстая, совершенно помешанная баба. Выпустил ее за границу (…) Луначарский, которому она осточертела своими приставаниями.

*

В Москве событие — выпустили 30° водку, которую публика с полным основанием назвала “рыковкой”. Отличается она от “царской” водки тем, что на десять градусов она слабее, хуже на вкус и в четыре раза ее дороже. Бутылка ее стоит 1 р. 75 коп. Кроме того, появился в продаже “коньяк Армении”, на котором написано 31°. (Конечно, Шустовской фабрики.) Хуже прежнего, слабее, бутылка его стоит 3 р. 50 коп.

*

Москва после нескольких дней мороза тонет в оттепельной грязи.

Мальчишки на улицах торгуют книгой Троцкого “Уроки Октября”, которая шла очень широко. Блистательный трюк: в то время, как в газетах печатаются резолюции с преданием Троцкого анафеме, Госиздат великолепно продал весь тираж. О, бессмертные еврейские головы.

Положим, ходили, правда, слухи, что Шмидта выгнали из Госиздата именно за напечатание этой книги, и только потом сообразили, что конфисковать ее нельзя, еще вреднее; тем более что публика, конечно, ни уха, ни рыла не понимает в этой книге и ей глубоко все равно — Зиновьев ли, Троцкий ли, Иванов ли, Рабинович. Это “спор славян между собой”.

*

Москва в грязи, все больше в огнях — и в ней. странным образом уживаются два явления: налаживание жизни и полная ее гангрена. В центре Москвы, начиная с Лубянки, “Водоканал” сверлил почву для испытания метрополитена. Это жизнь. Но метрополитен не будет построен, потому что для него нет никаких денег. Это гангрена. Разрабатывают план уличного движения. Это жизнь. Но уличного движения нет, потому что не хватает трамваев, смехотворно — 8 автобусов на всю Москву. Квартиры, семьи, ученые, работа, комфорт и

польза — все это в гангрене. Ничто не двигается с места. Все съела советская канцелярская, адова пасть. Каждый шаг, каждое движение советского гражданина— это пытка, отнимающая часы, дни, а иногда месяцы. Магазины открыты. Это жизнь. Но они прогорают и это гангрена.

Во всем так.

Литература ужасна.

*

Около двух месяцев я уже живу в Обу(хов)ом переулке в двух шагах от квартиры К., с которой у меня связаны такие важные, такие прекрасные воспоминания моей юности и 16-й год и начало 17-го.

Живу я в какой-то совершенно неестественной хибарке, но как это ни странно, сейчас я чувствую себя несколько более “определенно”. Объясняется это (…).

(В подлиннике страница вырвана.)

23-го декабря, вторник. (Ночь на 24-е).

Сегодня по новому стилю 23-е, значит, завтра Сочельник. У Храма Христа продаются зеленые елки. Сегодня я вышел из дома очень поздно, около двух часов дня, во-первых, мы с женой спали, как обычно, очень долго. Разбудил нас

в половине первого В(асилевский), который приехал из Петербурга. Пришлось опять отпустить их вдвоем по делам.

Ушел я, впрочем, равномерно {так в тексте}, потому что мой путь теперь совершенно прямой. Последнюю запись в дневнике я диктовал моей жене и окончил запись шуточно. Так вот, еще в предыдущей записи я хотел сказать об этой прямой. Утешил меня очень разговор в парикмахерской. Брила меня девочка-мастерица. Я ошибся в ней, ей всего 17 лет и она дочь парикмахера. Она сама заговорила со мной, и почему-то в пречистенских тихих зеркалах при этом разговоре был большой покой.

Для меня всегда наслаждение видеть Кремль. Утешил меня Кремль. Он мутноватый. Сейчас зимний день. Он всегда мне мил.

На службе меня очень беспокоили, и часа три я провел безнадежно (у меня сняли фельетон). Все накопление сил. Я должен был еще заехать в некоторые места, но не заехал, потому что остался почти до пяти часов в “Гудке”, причем Р. О. Л. при Ароне, при П(отоцком) и кто-то (еще) был, держал речь обычную и заданную мне — о том, каким должен быть “Гудок”. Я до сих пор не могу совладать с собой, когда мне нужно говорить, и сдержать болезненные арлекинские жесты. Во время речи хотел взмахивать обеими руками, но взмахивал одной правой, и вспомнил вагон в январе 20-го года и фляжку с водкой на сером ремне, и даму, которая жалела меня за то, что я так страшно дергаюсь.

Я смотрел на лицо Р. О. и видел двойное видение. Ему говорил, а сам вспоминал…

Нет, не двойное, а тройное. Значит, видел Р. О., одновременно—вагон, в котором я ехал не туда, и одновременно же —картину моей контузии под дубом

и полковника, раненного в живот.

Бессмертье — тихий (светлый) брег…

Наш путь —к нему стремленье.

Покойся, кто свой кончил бег,

Вы, странники терпенья…

Чтобы не забыть и чтобы потомство не забыло, записываю, когда и как он умер. Он умер в ноябре 19-го года во время похода за Шали-Аул, и последнюю фразу сказал мне так:

— Напрасно вы утешаете меня, я не мальчик.

Меня уже контузили через полчаса после него.

Так вот, я видел тройную картину. Сперва — этот ночной ноябрьский бой, сквозь него

— вагон, когда уже об этом бое рассказывал, и этот, бессмертно-проклятый зал в “Гудке”. “Блажен, кого постигнул бой”. Меня он постигнул мало, и я должен получить свою порцию.

Когда мы расходились из “Гудка”, в зимнем тумане, в вестибюле этого проклятого здания, По(тоцкий) сказал мне: “Молодец вы, Михаил Афанасьевич”. Это мне было приятно, хотя я, конечно, ни в какой мере не молодец, пока что.

*

Позволительно маленькое самомнение. Относительно Франции — совершеннейший пророк. Под Парижем полиция произвела налет на комшколу, которая, как корреспондирует из Парижа Раппопорт, “мирно занималась изучением Энгельса и Маркса”. Кроме того, где-то уже стачка рыбаков и

(…)

шли мимо красинского убеж(ища) с криками.

Кажется, в Амьене, если не ошибаюсь, уже началось какое-то смятение. Первую ставку Красин выиграл у французов. Начался бардак.

*

Денег сегодня нигде не достал, поэтому приехал кислый и хмурый домой. С большим раздражением думал о их совместно(м) путешествии, и единственным успокоением является моя прямая. Она всегда — кратчайшее расстояние между двумя точками, и стоит мне вспомнить ее, как я совершенно успокаиваюсь.

Дома впал в страшную ярость; т. к. уже две недели я тренирую себя, то сейчас же разъяснил ее, как пес сову, и запер ее на ключ. Не нужно говорить о политике ни в коем случае.

*

В(асилевский) страшно ослабел. Человек, который имел чутье, начал его терять в СССР. Это, конечно, будет гибельно. Голова полна проектами, один из которых совершенно блистателен. У них у всех нет американского подхода: достаточно сказать один раз, и я уже понял. Понял. Мысленно его гипнотизировал, чтобы он делал, но так как я в этом деле дилетант, то за успех не поручусь.

*

Он привез и показывал две из тех книжек, которые выпускало его издательство. В серии “Вожди и деятели революции”, одна из них написана Митей С(тоновым) (“Калинин”). Другая — Бобрищев-Пушкин (“Володарский”). Трудно не сойти с ума. Бобрищев пишет о Володарском. Впрочем, у старой лисы большее чутье, чем у В(асилевского). Это объясняется разностью крови. Он ухитрился спрятать свою фамилию не за одним псевдонимом, а сразу за двумя. Старая проститутка ходит по Тверской все время в предчувствии облавы. Этой — ходить плохо.

В(асилевский) говорит, что квартиру его описали. Вообще он въехал неудачно. Но (вы) поймите. Старый, убежденный погромщик, антисемит (Бобрищев-Пушкин) пишет хвалебную книжку о Володарском, называя его “защитником свободы печати”. Немеет человеческий ум.

В(асилевский) говорит обо всем этом с каким-то особенным, подпрыгивающим, рамо(лен)тным {от франц. ramolli — старчески расслабленный, близкий к слабоумию} весельем. Был один момент, когда он мне жутко напомнил старика Арсеньева. Все они настолько считают, что партия безнадежно сыграна, что бросаются в воду в одежде.

Василевский) одну из книжек выпустил под псевдонимом. Насчет первой партии совершенно верно. И единственная ошибка всех Павлов Николаевичей и Пасманников, сидящих в Париже, что они все еще доказывают первую, в то время как логическое следствие — за первой партией идет совершенно другая, вторая. Какие бы ни сложились в ней комбинации — Бобрищев погибнет. Забыл: пьеса ли это, (или) это роман “Странник играет под сурдинку”.

В(асилевский) же мне рассказал, что Алексей Толстой говорил: —Я теперь не Алексей Толстой, а рабкор-самородок Потап Дерьмов. Грязный, бесчестный шут.

В(асилевский) же рассказал, что Демьян Бедный, выступая перед собранием красноармейцев, сказал:

— Моя мать была блядь…

*

В состоянии безнадежной ярости обедал у Валентины. (…) помещался этот тюремный человек с Поварской. Громадная разница между ним и клопом, и напрасно еврейские девушки приравнивают. Это слишком примитивная солдатчина. Есть огромная разница: клопа давить неприятно. Примитивы этого не поймут. Никто, как свой. И свои могут напортить хуже, чем чужие, черт бы их взял.

*

Записи под диктовку есть не самый высший, но все же акт доверия.

*

Сегодня сообщение о том, что убили еще одного селькора в провинции — Сигаева. Или у меня нет чутья, и тогда я кончусь на своем покатом полу, или это интродукция к совершенно невероятной опере.

*

Запас впечатлений так огромен за день, что свести их можно только обрывками, с мыслью впоследствии систематизировать их. День, как во время севастопольской обороны, за (месяц), месяц — за год. Но где же мои матросы?

*

Самым чудовищным из всех рассказов В(асилевского) был рассказ о том, как Френкель, ныне московский издатель, в прошлом раввин (вероятно, и сейчас, только тайный), ехал в спальном международном вагоне из С.-Петербурга в Москву. Это один из крупных узлов, который кормит сейчас в Москве десятки евреев, работающих по книжному делу. У него плохонькое, но машинно налаженное дело в самом центре Москвы, и оно вечно гудит, как улей. Во двор Кузнецкого переулка вбегают, из него убегают, собираются. Это рак в груди. Неизвестно, где кончаются деньги одного и где начинаются деньги другого. Он очень часто ездит в Петербург, и характерно, что его провожают почтительной толпой, очевидно, он служит и до сих пор дает советы о козе. Он мудр.

*

Сегодня — еще в ярости, чтобы успокоить ее, я перечитываю фельетон петербургского фельетониста 70-х годов. Он изображает музыку в Павловске, и еврея изображает в

презрительной шутке, с акцентом: — Богу сил.

*

Сейчас я работаю совершенно здоровым, и это чудесное состояние, которое для других нормально, увы — для меня сделалось роскошью, это потому, что я развинтился несколько. Но, в основном, главном я выздоравливаю, и силы, хотя и медленно, возвращаются ко мне. С нового года займусь гимнастикой, как в 16-м и 17-м году, массажем и к марту буду в форме.

*

Есть неуместная раздражительность. Все из-за проклятого живота (и) нервов. Записи о своем здоровье веду с единственной целью: впоследствии перечитать и выяснить, выполнил ли задуманное.

*

Порхают легкие слушки, и два конца из них я уже поймал. Вот сволочи.

26-го декабря. (В ночь на 27-е).

Только что вернулся с вечера у Ангарского — редактора “Недр”. Было одно, что теперь всюду: разговоры о цензуре, нападки на нее, “разговоры о писательской правде” и “лжи”. Был(и): Вересаев, К…, Никандров, Кириллов, Зайцев (П. Н.), Ляшко и Львов-Рогачевский. Я не удержался, чтобы несколько раз не встрять с речью о том, что в нынешнее время работать трудно, с нападками на цензуру и прочим, чего вообще говорить не следует.

Ляшко, пролетарский писатель, чувствующий ко мне непреодолимую антипатию (инстинкт), возражал мне с худо скрытым раздражением:

— Я не понимаю, о какой “правде” говорит т. Булгаков? Почему все (…) нужно изображать? Нужно давать “чер(ес)полосицу” и т. д.

Когда же я говорил о том, что нынешняя эпоха — это эпоха сви(нства) —

он сказал с ненавистью:

— Чепуху вы говорите…

Не успел ничего ответить на эту семейную фразу, потому что вставали в этот момент из-за стола. От хамов нет спасения.

*

Лютый мороз. Сегодня утром водопроводчик отогрел замерзшую воду. Зато ночью, лишь только я вернулся, всюду потухло электричество.

*

Ангарский (он только на днях вернулся из-за границы) в Берлине, а, кажется, и в Париже всем, кому мог, показал гранки моей повести “Роковые яйца”. Говорит, что страшно понравилось и (кто-то в Берлине, в каком-то издательстве) ее будут переводить.

*

Больше всех этих Ляшко меня волнует вопрос — беллетрист ли я?

*

Отзвук в разговоре у Анг(арского) имел и прогремевший памфлет — письмо Бернарда Шоу,— напечатанный во вчерашнем номере “Известий”. Радек пытается ответить на него фельетоном “Мистер П(ик)вик о коммунизме”, но это (…).

В памфлете есть место: “бросьте и толковать о международной революции

— это кинематограф”.

В ночь на 28-е декабря.

В ночь я пишу потому, что почти каждую ночь мы с женой не спим до трех, четырех часов утра. Такой уж дурацкий обиход сложился. Встаем очень поздно, в 12, иногда в 4 час, а иногда и в два дня.

И сегодня встали поздно и вместо того, чтобы ехать в проклятый “Гудок”, изменил маршрут и, побрившись в парикмахерской на моей любимой Пречистенке, я поехал к моей постоянной зубной врачихе, Зинушке. Лечит она два моих зуба, которые по моим расчетам станут важными. Лечит не спеша, хожу я к ней не аккуратно, она вкладывает ватку то с йодом, то с гвоздичным маслом, и я очень доволен, что нет ни боли, ни залезания иглой в каналы.

Пока к ней дополз, был четвертый час дня. Москва потемнела, загорелись огни. Из окон у нее виден Страстной монастырь и огненные часы.

Великий город — Москва. Моей нежной и единственной любви, Кремля, я сегодня не видал.

После зубной врачихи был в “Недрах”, где стра(ш)ный Ангарский производит какой-то разгром служащих. Получил благодаря ему 10 рублей.

И вот по Кузнецкому мосту шел, как десятки раз за последние зимние дни, заходя в разные магазины. Нужно купить то да се. Купил, конечно, неизбежную бутылку белого вина и полбутылки русской горькой, но с особенной неясностью почему-то покупал чай. У газетчика случайно на Кузнецком увидел 4-й номер “России”. Там — первая часть моей “Белой гвардии”, т. е. не первая часть, а первая треть. Не удержался и у второго газетчика, на углу Петровки и Кузнецкого, купил номер.

Роман мне кажется то слабым, то очень сильным. Разобраться в своих ощущениях я уже больше не могу. Больше всего почему-то привлекло мое внимание посвящение. Так свершилось. Вот моя жена.

Вечером у Никитиной читал свою повесть “Роковые яйца”. Когда шел туда, ребяческое желание отличиться и блеснуть, а оттуда — сложное чувство. Что это? Фельетон? Или дерзость? А может быть, серьезное? Тогда невыпеченное. Во всяком случае, там сидело человек 30, и ни один из них не только не писатель, но и вообще не понимает, что такое русская литература.

Боюсь, как бы не саданули меня за все эти подвиги “в места не столь отдаленные”. Очень помогает мне от этих мыслей моя жена. Я обратил внимание, когда она ходит, она покачивается. Это ужасно глупо при моих замыслах, но, кажется, я в нее влюблен. Одна мысль интересует меня. При всяком ли она приспособилась бы так же уютно, или это избирательно, для меня?

*

Политических новостей сегодня нет для меня. Эти “Никитинские субботники” — затхлая, советская, рабская рвань, с (…) примесью евреев.

*

Не для дневника и не для опубликования: подавляет меня чувственно моя жена. Это и

хорошо, и отчаянно, и сладко, и, в то же время, безнадежно сложно: я как раз сейчас хворый, а она для меня… Сегодня видел, как она переодевалась перед нашим уходом к Никитиной, жадно смотрел.

*

Политических новостей нет, нет. Взамен них политические мысли.

*

Как заноза сидит все это сменовеховство (я при чем?) и то, что чертова баба зав(я)з(и)ла (меня), как пушку в болоте, важный вопрос. Но один, без нее, уже не мыслюсь. Видно, привык.

29-го декабря. Понедельник.

Водку называют “рыковка” и “полурыковка”. “Полурыковка” потому, что она в 30°, а сам Рыков (горький пьяница) пьет в 60°.

Был в этом проклятом “Г(удке)”, вечером был у Лидии Вас(ильевны). Условились насчет встречи Нового года.

Лежнев ведет переговоры с моей женой, чтобы роман “Белая гвардия” взять у Сабашникова и передать ему. Люба отказала, баба бойкая и расторопная, и я свалил с своих плеч обузу на ее плечи. Не хочется мне связываться с Лежневым, да и с Сабашниковым расторгать договор неудобно и неприятно. В долгу сидим, как в шелку.

(1925)

2 января, в ночь на 3-е.

“Если бы к “рыковке” добавить “семашковки”, то получилась бы хорошая “совнаркомовка”.

“Рыков напился по смерти Ленина по двум причинам: во-первых, с горя, а, во-вторых, от радости”.

“Троцкий теперь пишется “Троий” — ЦК выпало”.

Все эти анекдоты мне рассказала эта хитрая веснушчатая лиса Л(ежнев) вечером, когда я с женой сидел, вырабатывая текст договора на продолжение “Белой гвардии” в “России”. Жена сидела, читая роман Эренбурга, а Лежнев обхаживал меня. Денег у нас с ней не было ни копейки. Завтра неизвестный мне еще еврей Каганский должен будет уплатить мне 300 рублей и векселя. Векселями этими можно п(одтереться)я. Впрочем, черт его знает. Интересно, привезут ли завтра деньги. Не отдали рукопись…

Сегодня газет нет, значит, нового ничего нет.

*

Забавный случай: у меня не было денег на трамвай, а потому я решил из “Гудка” пойти пешком. Пошел по набережной Москвы-реки. Полулуние в тумане. Почему-то середина Москвы-реки не замерзла, а на прибрежном снеге и льду сидят вороны. В Замоскворечье огни. Проходя мимо Кремля, поравнявшись с угловой башней, я глянул вверх, приостановился, стал смотреть на Кремль и только что подумал, “доколе, Господи”,—как серая фигура с портфелем вынырнула сзади меня и оглядела. Потом прицепилась. Пропустил ее вперед, и около четверти часа мы шли, сцепившись. Он плевал с парапета, и я. Удалось уйти у постамента Александру.

3-го января.

Сегодня у Л(ежнева) получил 300 рублей в счет романа “Б(елая) г(вардия)”, который пойдет в “России”. Обещали на остальную сумму векселя.

Были сегодня вечером с женой в “Зеленой лампе”. Я говорю больше, чем следует, но не говорить не могу. Один вид Ю. П(отехина), приехавшего по

способу чеховской записной книжки, и нагло уверяющего, что…

— Мы все люди идеологии,—

действует на меня, как звук кавалерийской трубы.

— Не бреши!

Литература, на худой конец, может быть даже коммунистической, но она не будет (са)дыкерско-сменовеховской. Веселые берлинские бляди. Тем не менее, однако, боюсь, как бы “Б(елая) г(варДия)” не потерпела фиаско. Уже сегодня вечером, на “Зел(еной) лампе” Ауслендер сказал, что “в чтении”… и поморщился. А мне нравится, черт его знает, почему.

*

Ужасное состояние: все больше влюбляюсь в свою жену. Так обидно—10 лет открещивался от своего… Бабы, как бабы. А теперь унижаюсь даже до легкой ревности. Чем-то мила и сладка. И толстая.

Газет не читал сегодня.

4 января 1925 г.

“Петербургу — быть пусту”.

Вчера наводнение в Петербурге, были затоплены Василеостровский, Петербургский, Московско-Нарвск(ий) и Центральный районы. Поздним вечером вода пошла на убыль.

*

Из Англии пришла нота, подписанная Чемберленом, из которой явствует, что английское правительство не желает более говорить ни одного слова по поводу письма Зиновьева. Отношения с Англией нестерпимо поганые.

Есть сообщение из Киева, что вся работа союза швейников, ввиду того что в нем 80% евреев, переводится постепенно на еврейский язык. Даже весело.

*

Сегодня вышла “Богема” в “Кр(асной) ниве” No 1. Это мой первый выход в специфически-советской топкой журнальной клоаке. Эту вещь я сегодня перечитал, и она мне очень нравится, но поразило страшно одно обстоятельство, в котором я целиком виноват. Какой-то беззастенчивой бедностью веет от этих строк. Уж очень мы тогда привыкли к голоду и его не стыдились, а сейчас как будто бы стыдно. Подхалимством веет от этого отрывка, кажется, впервые с знаменитой осени 1921 г. позволю себе маленькое самомнение и только в дневнике,— написан отрывок совершенно на “ять”, за исключением одной, двух фраз. (“Было обидно и др.”)

*

Все идет верхним концом и мордой в грязь. Вся Москва растеклась в оттепельской грязи, а я целый день потратил на разъезды, приглашая гостей.

Хотим у Нади потанцевать.

Видел милы(х) Л(яминых) и отдал им номер “России” с “Б(елой) гв(ардией)”.

В антракте между фокстротными разъездами был взят за горло милыми еврейчиками по поводу бабьих писем. Сжали и кругом правы. Я ж(м)у в свою очередь, но ни черта, конечно, не сделаю. Ни в коем случае не пришлет. Как кол в горле. А сам я, действительно, кобра. До того сжали, что я в один день похудел и вся морда обвисла на сторону. Три дня и три ночи буду думать, а выдумаю. Все равно, я буду водить, а не кто-нибудь другой.

5-го января.

Какая-то совершенно невероятная погода в Москве — оттепель, все распустилось и такое же точно, как погода, настроение у москвичей. Погода напоминает февраль, и в душах февраль.

— Чем все это кончится? — спросил меня сегодня один приятель. Вопросы эти задаются машинально и тупо, и безнадежно, и безразлично, и как угодно. В его квартире как раз в этот момент, в комнате через коридор, пьянствуют коммунисты. В коридоре пахнет какой-то острой гадостью, и один из партийцев, по сообщению моего приятеля, спит пьяный, как свинья. Его пригласили, и он не мог отказаться.

С вежливой и заискивающей улыбкой ходит к ним в комнату. Они его постоянно вызывают. Он от них ходит ко мне и шепотом их ругает. Да, чем-нибудь это все да кончится. Верую.

Сегодня специально ходил в редакцию “Безбожника”. Она помещается в Столешн(иковом) пер(еулке), вернее, в Козмодемьяновском, недалеко от Моссовета. Был с М. С, и он очаровал меня с первых же шагов.

— Что, вам стекла не бьют? — спросил он у первой же барышни, сидящей за столом.

— То есть, как это? (растерянно).

— Нет, не бьют (зловеще).

— Жаль.

Хотел поцеловать его в его еврейский нос. Оказывается, комплекта за 1923 год нет. С гордостью говорят — разошлось. Удалось достать 11 номеров за 1924 год, 12-й еще не вышел. Барышня, если можно так назвать существо, дававшее мне его, неохотно дала мне его, узнав, что я частное лицо.

— Лучше я б его в библиотеку отдала.

Тираж, оказывается, 70000 и весь расходится. В редакции сидит неимоверная сволочь, входят, приходят; маленькая сцена, какие-то занавесы, декорации. На столе, на сцене, лежит какая-то священная книга, возможно, Библия, над ней склонились какие-то две головы.

— Как в синагоге,— сказал М., выходя со мной.

Меня очень заинтересовало, на сколько процентов все это было сказано для меня специально. Не следует, конечно, это преувеличивать, но у меня такое впечатление, что несколько лиц, читавших “Бел(ую) г(вардию)” в “России”, разговаривают со мной иначе, как бы с некоторым боязливым, косоватым почтением.

М…н отзыв об отрывке “Б(елой) г(вардии)” меня поразил, его можно назвать восторженным, но еще до его отзыва окрепло у меня что-то в душе.

Это состояние уже дня три. Ужасно будет жаль, если я заблуждаюсь и “Б(елая) г(вардия)” не сильная вещь.

*

Когда я бегло проглядел у себя дома вечером номера “Безбожника”, был потрясен. Соль не в кощунстве, хотя оно, конечно, безмерно, если говорить о внешней стороне. Соль в идее: ее можно доказать документально — Иисуса Христа изображают в виде негодяя и мошенника, именно его. Нетрудно понять, чья это работа. Этому преступлению нет цены.

*

Вечером была Л. Л. и говорила, что есть на свете троцкисты. Анекдот: когда Троцкий уезжал, ему сказали: “Дальше едешь, тише будешь”.

Сегодня в “Гудке” в первый раз с ужасом почувствовал, что я писать фельетонов больше не могу. Физически не могу. Это надругательство надо мной и над физиологией.

*

Большинство заметок в “Безбожнике” подписаны псевдонимами.

“А сову эту я разъясню”.

16-го января 1925 г. Пятница.

Позавчера был у П. Н. З(айце)ва на чтении А. Белого. В комнату З(айцева) набилась тьма народу. Негде было сесть. Была С. 3. Федорченко и сразу как-то обм(якла) и сомлела.

Белый в черной курточке. По-моему, нестерпимо ломается и паясничает.

Говорил воспоминания о Валерии Брюсове. На меня все это произвело нестерпимое впечатление. Какой-то вздор символиста. “Бросив дом в 7 этажей”.

— Шли раз по Арбату. Он вдруг спрашивает (Белый подражал, рассказыв(ая) в (… Брюсову): “Скажите, Борис Николаевич, как по-Вашему — Христос пришел только для одной планеты или для многих?” Во-первых, что я за такая Валаамова ослица-вещ(ая), а, во-вторых, в этом почувствовал подковырку…”

В общем, пересыпая анекдотиками пе (…) занятными, долго нестерпимо говорил… о каком-то папоротнике… о том, что Брюсов был “дик” символистично, в то же время любил гадости делать.

Я ушел, не дождавшись конца. После Брюсова должен был быть еще отрывок из нового романа Белого. Me(r)ci.

25-го февраля, среда. Ночь.

Предо мной неразрешимый вопрос. Вот и все.

13 декабря 1925 г.

Уже около месяца не слежу за газетами. Мельком слышал, что умерла жена Буд(енного). Потом слух, что самоубийство, а потом, оказывается, он ее убил. Он влюбился, она ему мешала. Остается совершенно безнаказанным. По рассказу — она угрожала ему, что выступит с разоблачением его жестокостей с солдатами в царское время, когда он был вахмистром.

Публикация К. Н. Кириленко и Г. С. Файмана.

*

ПРИЛОЖЕНИЕ

ГРЯДУЩИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Теперь, когда наша несчастная родина находится на самом дне ямы позора и бедствия, в которую ее загнала “великая социальная революция”, у многих из нас все чаще и чаще

начинает являться одна и та же мысль.

Эта мысль настойчивая.

Она —темная, мрачная, встает в сознании и властно требует ответа.

Она проста: а что же будет с нами дальше.

Появление ее естественно.

Мы проанализировали свое недавнее прошлое. О, мы очень хорошо изучили почти каждый момент за последние два года. Многие же не только изучили, но и прокляли.

Настоящее перед нашими глазами. Оно таково, что глаза эти хочется закрыть.

Не видеть!

Остается будущее. Загадочное, неизвестное будущее.

В самом деле: что же будет с нами?..

Недавно мне пришлось просмотреть несколько экземпляров английского иллюстрированного журнала.

Я долго, как зачарованный, глядел на чудно исполненные снимки.

И долго, долго думал потом…

Да, картина ясна!

Колоссальные машины на колоссальных заводах лихорадочно день за днем пожирая каменный уголь, гремят, стучат, льют струи расплавленного металла, куют, чинят, строят…

Они куют могущество мира, сменив те машины, которые еще недавно, сея смерть и разрушая, ковали могущество победы.

На западе кончилась великая война великих народов. Теперь они зализывают свои раны.

Конечно, они поправятся, очень скоро поправятся!

И всем, у кого наконец прояснился ум, всем, кто не верит жалкому бреду, что наша злостная болезнь перекинется на запад и поразит его, станет ясен тот мощный подъем титанической работы мира, который вознесет западные страны на невиданную еще высоту мирного могущества.

А мы?

Мы опоздаем…

Мы так сильно опоздаем, что никто из современных пророков, пожалуй, не скажет, когда же наконец мы догоним их и догоним ли вообще?

Ибо мы наказаны.

Нам немыслимо сейчас созидать. Перед нами тяжкая задача — завоевать, отнять свою собственную землю.

Расплата началась.

Герои-добровольцы рвут из рук Троцкого пядь за пядью русскую землю.

И все, все — и они, бестрепетно совершающие свой долг, и те, кто жмется сейчас по тыловым городам юга, в горьком заблуждении полагающие, что дело спасения страны обойдется без них, все ждут страстно освобождения страны.

И ее освободят.

Ибо нет страны, которая не имела бы героев, и преступно думать, что родина умерла.

Но придется много драться, много пролить крови, потому что пока за зловещей фигурой Троцкого еще топчутся с оружием в руках одураченные им безумцы, жизни не будет, а будет смертная борьба.

Нужно драться.

И вот пока там на западе будут стучать машины созидания, у нас от края и до края страны будут стучать пулеметы.

Безумство двух последних лет толкнуло нас на страшный путь, и нам нет остановки, нет передышки. Мы начали пить чашу наказания и выпьем ее до конца.

Там, на западе, будут сверкать бесчисленные электрические огни, летчики будут сверлить покоренный воздух, там будут строить, исследовать, печатать, учиться…

А мы… мы будем драться.

Ибо нет никакой силы, которая бы могла изменить это.

Мы будем завоевывать собственные столицы.

И мы завоюем их.

Англичане, помня как мы покрывали поля кровавой росой, били Германию, оттаскивая ее от Парижа, дадут нам в долг еще шинелей и ботинок, чтобы мы могли скорей добраться до Москвы.

И мы доберемся.

Негодяи и безумцы будут изгнаны, рассеяны, уничтожены.

И война кончится.

Тогда страна, окровавленная, разрушенная, начнет вставать… медленно, тяжко вставать.

Те, кто жалуется на “усталость”, увы, разочаруются. Ибо им придется “устать” еще больше…

Нужно будет платить за прошлое неимоверным трудом, суровой бедностью жизни. Платить и в переносном и в буквальном смысле слова.

Платить за безумство мартовских дней, за безумство дней октябрьских, за самостийных изменников, за развращение рабочих, за Брест, за безумное пользование станком для печатания денег… за все!

И мы выплатим.

И только тогда, когда будет уже очень поздно, мы вновь начнем кой-что созидать, чтобы стать полноправными, чтобы нас впустили опять в версальские залы.

Кто увидит эти светлые дни?

Мы?

О, нет! наши дети, быть может, а быть может, и внуки, ибо размах истории широк, и десятилетия она так же легко считает, как и отдельные годы.

И мы, представители неудачливого поколения, умирая еще в чине жалких банкротов, вынуждены будем сказать нашим детям:

— Платите, платите честно и вечно помните социальную революцию!

М. Б.

1919 г.

Публикация Г. С. Файмана.

КРАСНЫЙ ФЛАГ

(Как шли бои в Париже)

18 марта 1871 года над зданием Думы в Париже взвилось красное знамя. Глава белого правительства Тьер с остатками своей армии, министрами и буржуазией бежал в Версаль. Власть в мировом городе захватил Центральный Комитет и через 10 дней после этого ликующие толпы народа залили улицы Парижа, стремясь на площадь Думы, с которой провозгласили Коммуну. Целый день мимо бюста Республики в красных шарфах шли рабочие батальоны черноблузников, приветствуя народных избранников — вождей Коммуны.

До 21 мая прожила Коммуна Парижа под гром пушек белой версальской армии, тщетно осаждавшей красный город.

Но в исторический час 21 мая через разрушенные ворота Сен-Клу на западной окраине Парижа ворвались первые батальоны армии Тьера под командою генерала Дуэ, и с этого часа началась великая неделя боя в Париже.

Тревожные сигналы труб подняли на ноги рабочих всех кварталов, и гиантский город покрылся баррикадами, а флаги цвета крови и революции

затрепетали на них. Вслед за ними вспыхнули алые пятна рабочей крови на серой мостовой.

Пядь за пядью, шаг за шагом шла белая армия от западных окраин Парижа к восточным. С каждой площади и с каждого закоулка, из-за каждой груды камней яростным боем приходилось выбивать блузников-рабочих, защитников Коммуны. Баррикады падали тогда, когда с них некому уже больше было стрелять. Когда не хватало зарядов, коммунары стреляли кусками железа, камнями.

Тучи черного дыма 7 дней стояли над Парижем, и отсветы пожаров не гасли в небе. Как факелы, горели роскошные дворцы Пале -Роялля и Тюльери, здания министерств, церкви, целые кварталы улиц.

Сотни и тысячи рабочих и работниц пали в бою на улицах Парижа, на той самой мостовой, которую они поклялись защищать.

К концу недели версальская армия, устилая трупами огненные кварталы, сдавила остатки защитников Парижской Коммуны в восточных предместьях Парижа, и грозное зарево пожара с Ла-Виллет освещало последний бой. В субботу 7 мая, версальцы взяли кладбище Пер-Лашез, на котором дрались последние бойцы Коммуны и у стен которого потом в расплате за идею братства полегли сотни расстрелянных, а 28 мая, в воскресенье, в предместьи, на парижской улице грянул последний пушечный выстрел, возвестивший конец. Париж Коммуны был взят.

Этот день был началом неслыханной бойни.

Без суда и следствия, по доносу, по взгляду расстреляли тысячи людей. Вместе с теми вождями Коммуны, имена которых перешли в историю и которые свои головы, полные мечтаний о счастье человечества, положили в крови в майские дни, пали тысячи безвестных блузников-рабочих в защите той же идеи.

Прошли годы. История красным цветом отметила великую страницу мартовских, апрельских и майских дней 71-го года в Париже, а память людей, каждую годовщину возвращаясь к великим дням Парижа, возложила на страницу той же истории во имя тысяч убитых коммунаров красный флаг.

1922

Булл.

Публикация Г. С. Файмана.